

Содержание

1. Где никогда не всходит солнце	7
2. Дом, милый дом	18
3. Характер сельской местности	26
4. На двух стульях	32
5. Самая могучая вещь	40
6. Спрос на реформы	45
7. Ужасные близнецы	53
8. Что случилось с джентри?	66
9. Автомобильное помешательство	71
10. Винтики и шестеренки	77
11. Оранжевая карта	89
12. Черное солнце	100
13. Солдаты поневоле	118
14. Женский полк	136
15. Часы останавливаются	147
16. Английский ирландский вопрос	164
17. Веселье до упаду	176
18. Лейбористы на вершине	183
19. Где же партнер?	194
20. Двигай вперед или подвинься	211
21. Крах	217
22. Пригородные ритуалы	233
23. Будет время веселиться	248
24. Земля пособий по безработице	258
25. Фашисты	270
26. Картина в целом	280
27. Испанская трагедия	295
28. Это абсолютно ужасно	305
29. Большие перемены	326

30. Муравьиный марш	337
31. Желаете луковицу?	344
32. Муки аскетизма	352
33. Жестокая реальность	359
34. Старый мир	374
35. Стиральная машинка	383
36. Игры и игроки	387
37. Трудности переходного возраста	398
38. Север и юг	414
39. Элвис бюджетно	429
40. Эта спортивная жизнь	439
41. Старые кружева и мышьяк	446
42. Новый брутализм	459
43. Успокаивающая темнота	469
44. Вместо мира	475
45. К черту их всех	480
46. Первый выстрел	497
47. Падение Хита	505
48. Игровой автомат	517
49. Да привнесем гармонию!	526
50. И вот идет она	536
51. Фолклендская вспышка	543
52. Большой взрыв	547
53. Брайтонский удар	551
54. Всегда ли она права?	564
55. Деньги, деньги, деньги	572
56. Занавес опускается	586
57. Падение фунта стерлингов	594
58. Год, повернувшийся задом	605
59. Смиритесь или заткнитесь	610
60. Моральная пропасть	617
61. Перечень бед	620
62. Несчастливый год	631
63. Принцесса покидает сказку	639
<i>Благодарности</i>	657
<i>Библиография</i>	658
<i>Фотоматериалы</i>	669

1

Где никогда не всходит солнце

Вторая Англо-бурская война шокировала не столько затяжными и кровавыми боями с партизанами, сколько плачевным состоянием британских войск¹. Призывников плохо кормили, они болели и демонстрировали низкий боевой дух. По результатам расследования, проведенного по окончании войны в 1902 году, примерно 16 000 солдат срочной службы умерло от болезней, чему виной был скудный рацион и слабое здоровье рекрутов. Многих молодых людей загнала в армию крайняя нищета, при этом около 60 % новобранцев отсеивались как негодные к строевой службе. Вскрытие данных фактов повлекло за собой дальнейшее изучение «физического упадка определенных слоев населения», однако заняться этим следовало минимум на пятьдесят лет раньше.

Анализ собственно военных операций вызывал не меньшее беспокойство. Для покорения буров, численность

¹ Это история Англии, а не Британии. Тем не менее в книге неоднократно упоминаются такие британские институты, как армия, флот, правительство, монархия и империя, поскольку они неразрывно связаны с английской историей. По той же причине здесь рассказывается о некоторых событиях, произошедших в других частях Соединенного Королевства. — *Прим. автора.*

которых равнялась населению Брайтона¹, потребовалось почти полмиллиона британских солдат и 250 миллионов фунтов стерлингов. Публикация этих материалов умерила пыл английских джингоистов² и побудила правительство создать Комитет обороны империи (Committee of Imperial Defence), координирующий вооруженные силы. Когда триумфально началась война, в 1900 году волна империалистического энтузиазма принесла победу коалиции консерваторов и либеральных юнионистов³ на так называемых выборах хаки⁴. Коалиция, где доминировали тори, обеспечила себе солидное превосходство над либералами, нарушив тем самым закон «качающегося маятника», на котором зиждется британская политика.

По ходу войны тех, кто раньше испытывал гордость за империю, постепенно охватывало разочарование и стыд. А трудовое население и вовсе открыто восхищалось восставшими бурами. «Что толку прославлять империю, где никогда не заходит солнце, — высказался один лондонец, — если оно никогда не всходит над нашей крышей?» К концу десятилетия избитые патриотические лозунги на тему «великой империи» вызывали лишь смех.

Свидетельствовали ли изъяны британской армии о некоем национальном вырождении вообще? В XIX веке многие искренне полагали, что английская предприимчивость и принципиальность помогли привнести порядок

¹ Население Брайтона, небольшого курортного городка на побережье, в начале XX в. — около 120 тысяч человек. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.*

² Джингоизм — английская версия агрессивного национализма и шовинизма.

³ Либеральная юнионистская партия выросла из фракции, отколовшейся от партии либералов в 1886 г. Разрыв произошел из-за вопроса об ирландском самоуправлении.

⁴ Любые общенациональные выборы, на исход которых сильно влияют военные настроения.

в отдаленные земли Британской империи, населенные столь разнообразными народами; к концу столетия в эти хвастливые заявления не верил уже никто. После Бурской войны политики то и дело пускались в рассуждения о «консолидации» и «интеграции» колоний, доминионов и «сфер экономического влияния». Считалось, что для сохранения Англией статуса великой державы крайне важно укрепить политические и экономические связи внутри империи, особенно на фоне процветающих Германии, Японии и Соединенных Штатов Америки.

Некоторые политики возражали: с учетом ограниченных возможностей британских вооруженных сил и усиливающихся националистических настроений на подконтрольных Британии территориях единственный способ сохранить единство — создать систему «самоуправляемых доминионов». Уже в конце XIX века индийская интеллектуальная элита разработала политическую теорию, основанную на принципе «представительных национальных органов». В Ирландии несколько десятилетий главенствовала и пользовалась неизменной поддержкой идея самоуправления, или «домашнего управления»¹, а антианглийские настроения проявлялись все сильнее.

Такого рода антиимперская критика звучала и в самой Англии. Когда британские отряды сожгли тысячи бурских домов и ферм и построили 8000 «концентрационных лагерей» для выселенных буров — это вызвало гнев, а когда в тех лагерях умерло порядка 20 000 женщин и детей, ярость, разумеется, лишь усилилась. Затем до Англии дошли новости, что правительство наняло около 50 000 китайцев для работы в шахтах Южной Африки — за мизерную зарплату и в нечеловеческих условиях. Либералы на

¹ Сам термин *Home Rule* в русской историографической традиции зачастую не переводился, а транслитерировался как «гомруль».

скамьях оппозиции заговорили о «китайском рабстве». До сих пор имперская экспансия оправдывалась идеей, что Британия несет цивилизацию «отсталым» народам. Так, вице-король Индии в конце XIX века похвалялся введением в стране «справедливого правления», а также «мира, порядка и доброго правительства». Однако после Бурской войны многие усмотрели в британской «цивилизационной миссии» лишь прикрытие для эксплуатации.

К тому же после 1900 года англичанам пришлось столкнуться с понижением их международного экономического статуса. В Викторианскую эпоху английские производители лидировали в мировой торговле. Сочетание новаторских технологий и дешевой рабочей силы позволяло организовать недорогое производство непосредственно в Англии; само существование и непрерывное расширение имперских рынков сбыта, а также господство на море гарантировали большие объемы продаж по всему миру. Кроме того, для реализации сложных инженерных проектов британские колонии нанимали английские фирмы, а деньги занимали в лондонском Сити. В 1870-х годах Соединенное Королевство обеспечивало примерно треть мирового промышленного производства, но к 1900-м его доля упала до 10 %.

Англия не могла более претендовать на звание «всемирной мастерской» — теперь этот титул оспаривали Германия и Соединенные Штаты, серьезно продвинувшиеся вперед после объединения Юга и Севера во второй половине XIX века и в течение недавних войн освоившие современные методы производства. К 1900 году США обошли Англию по выработке угля и железа, а в Германии в высшей степени успешно развивались горные технологии, электротехника и химическая промышленность. Проблема Англии отчасти заключалась в том, что она прошла этап индустриализации задолго до своих соперников,

и теперь ни правящие круги, ни представители капитала и промышленности не видели необходимости и не имели желания обновлять производственный сектор. Страна застряла на уровне устаревших технологий, исчерпала возможности расширения имперской территории и была отрезана от многих международных рынков высокими таможенными пошлинами других государств. Ее главные экспортные отрасли — металлургия, судостроение, добыча угля и производство шерсти — вступили в период упадка. Проблема сокращения экспорта усугублялась растущей зависимостью Англии от иностранных товаров. С 1900 года платежный баланс все время в дефиците: приток денег в страну меньше их оттока из страны. За последующие четырнадцать лет экономический рост сократится вдвое.

В начале 1901 года *The Annual Register*¹ описывал будущее Англии как «полное недобрых предчувствий». А несколько недель спустя, 22 января, тревога нации усугубилась: умерла королева Виктория. Новость разлетелась по стране, повсюду звучал погребальный звон, отменялись театральные представления, дорожное движение парализовалось повалившимися на улицы толпами. Во многих случаях отчаяние шло в паре с растерянностью. Иностранцы порой говорят, что монархизм — религия англичан, однако и тогда далеко не все в стране были «верующими». Беллетрист Арнольд Беннетт утверждал: событие «в целом не слишком затронуло» лондонцев, «что бы ни плели журналисты».

Однако все комментаторы отмечали, что кончина королевы знаменовала собой поворотный момент в истории страны. «Теперь мы не так уверены в собственном

¹ Буквально «Ежегодный реестр», основан Эдмундом Берком в 1758 г. В нем собирают и анализируют важнейшие события в политике, экономике и культуре за минувший год.

положении, — заявляла газета The Times. — Может статься, наша движущая сила... как нации — исчерпана». Вскоре после смерти Виктории раздался голоса, предсказывающие и уход викторианских идеалов, викторианского духа. В своем обращении к парламенту лидер консерваторов в палате общин, Артур Джеймс Бэлфур, провозгласил «конец великой эпохи».

Прошло совсем немного времени, и пал еще один столп викторианской правящей элиты. В июле 1902 года по причине плохого самочувствия ушел с поста премьер-министра лорд Солсбери: сердце и ноги политика больше не выдерживали непомерного веса его гаргантюанских габаритов. С тех самых пор, как партия либералов раскололась по вопросу об ирландском самоуправлении в 1886 году, а либеральные юнионисты перебежали к партии-противнику, этот гранд-тори контролировал всю политическую жизнь страны, лишь три года из шестнадцати не занимая кабинет премьера. Консервативный аристократ старого разлива, он испытывал отвращение к демократическим тенденциям нового времени и видел миссию своей партии в том, чтобы представлять и защищать интересы «правящего» класса землевладельцев, поддерживая *status quo*. «Что ни делается, все к худшему, — повторял он свое самое знаменитое политическое высказывание, — а потому в наших интересах, чтобы делалось как можно меньше всего». Солсбери умер в следующем году, и некоторые обозреватели увидели в его кончине предвестие развала Британской империи; другие же считали, что эта смерть подводит окончательную черту под викторианством.

Однако консерваторы, скроенные по лекалу Солсбери, отчаянно старались не замечать закат старого порядка. Викторианские ценности, включая принцип *laissez-faire* (невмешательства) в экономике и политике, а также центральное место аристократии, короны, англиканской цер-

кви и имперской идеи в государстве, оставались для тори священны. И хотя либералы представляли коммерческие и диссидентские слои населения Англии, очень мощный аристократический элемент внутри партии проявлял приверженность идеалам свободного рыночного капитализма еще более страстно, чем их политические противники.

Пассивность обеих ведущих сил отражала инерцию политической системы. Мажоритарная система выборов практически исключала шансы на победу для новых партий. Вследствие этого власть десятилетиями принадлежала или консерваторам, или либералам. Избирательное право распространялось на мужчин, плативших не менее десяти фунтов стерлингов годовой ренты или владевших землей эквивалентной стоимости, а это означало, что 40 % англичан, а также абсолютно все женщины страны в выборах не участвовали. А поскольку членам парламента не платили жалованья, лишь состоятельные граждане могли позволить себе баллотироваться на выборы в палату общин. Невыборная и контролируемая тори палата лордов либо отвергала законодательные инициативы избранных народом депутатов нижней палаты, либо видоизменяла и уже потом передавала на подпись монарху. С виду «конституционный» монарх, глава британской церкви, армии и аристократии (и к тому же один из крупнейших землевладельцев), обладал еще и большой исполнительной властью, так называемой «королевской прерогативой», и в частности, мог снимать и назначать премьер-министров.

В противоположность английским политикам образованная верхушка радовалась окончанию викторианской эры и с упоением разрабатывала планы развития нового чудного мира. Герберт Уэллс сравнивал королеву Викторию с «массивным пресс-папье, полвека придавливающим умы людей... Стоило сдвинуть его, и идеи беспорядочно

разлетелись во все стороны». Радикалы вроде Уэллса употребляли эпитет «викторианский» в уничижительном смысле, приветствуя приход более справедливого и разумного века. Либеральный экономист Дж. А. Гобсон замечал, как много вдруг появилось людей, «полагающих своим долгом и одержимых желанием задавать такие вопросы, которые их родители считали шокирующими, и требовать на них ясных и вразумительных ответов». В чем заключается роль государства? Для чего нужна империя? Почему женщины и рабочий класс не участвуют в выборах? В чем причины политического и экономического неравенства и как с ним бороться?

Попытки ответить на эти вопросы породили изобилие политических и культурных движений. Основывались социалистические, анархистские и феминистские группы, процветали тред-юнионы (профсоюзы). Некоторые интеллектуалы обращались к религиозным учениям вроде теософии¹ или занимались отдельными аспектами политической жизни, протестуя против вивисекции или прививок. Многие реформаторы ждали, что путь к светлому будущему укажет наука. И хотя радикально настроенные мыслители ратовали за разные подходы, Беатрис Уэбб, социалистка фабианского толка, полагала, что цель у них одна. «Вся нация, — писала она, — движется к социальной демократии».

На смену ушедшим гигантам викторианской политической элиты пришли люди, не дотягивающие до их масштаба. Виктории наследовал ее старший сын Эдуард, по словам молодого члена парламента от консерваторов Уинстона Черчилля, «наконец-то получивший пас». Эдуард ро-

¹ Это течение было основано Еленой Блаватской в конце XIX в. в США.

дился в 1841 году и обладал внешностью, исключительно подходящей для XIX века: густые усы и внушительная фигура. Он был любителем сигар, женщин, сплетен, анекдотов и военной формы, однако главной его страстью всегда оставалась еда. Тон его правлению задал тот факт, что коронацию пришлось отложить из-за болезни монарха, вызванной кулинарными излишествами. Придворные нередко испытывали неловкость из-за очевидного монаршего переедания — учитывая, что изрядная доля его подданных жила в бедности.

Эдуард обладал характерной для Викторианской эпохи натурой, отличался весельем, энергичностью и вечно приподнятым настроением. Очевидцы описывали его «ревушим словно бык», когда он давал волю своей «наследственной ганноверской раздражительности». По многим своим политическим взглядам он также принадлежал прошлому веку. Например, отвергал идею даровать колониям автономию в рамках империи. При этом, по сравнению со своей горячо преданной консерваторам матерью, был скорее нейтрален в отношении партий и не особенно стремился вмешиваться в деятельность правительства и парламента. Впрочем, новый король настойчиво желал влиять на внешнеполитические решения. Большинство английских королей нового времени не могли бы похвастаться дипломатической подготовкой Эдуарда: он владел несколькими европейскими языками и гордился тем, что он «добрый европеец».

Викторию не слишком радовал гедонистический образ жизни старшего сына, однако любезность, элегантность и любовь к появлению на публике снискали ему немало поклонников. Когда коронация все-таки случилась, ее повсюду праздновали с большим воодушевлением, а Эдуард оставался популярной фигурой на протяжении всего своего правления. Писатель Дж.Б. Пристли, выросший

в Эдвардианскую эпоху, вспоминал, что король повсеместно вселял энтузиазм, и считал, что Эдуард был самым любимым английским королем после Карла II. Английские газеты преимущественно правого толка представляли короля этакой иконой, через которую все могли причаститься власти и наслаждений.

Подобно наследованию трона, наследование должности премьера оказалось делом семейным. Лорд Солсбери, уйдя в отставку в 1902 году, просто назначил премьер-министром своего племянника Артура Бэлфура — никаких выборов не потребовалось. То был далеко не первый случай, когда Солсбери продвигал по государственной службе своих родственников, и это лучшая иллюстрация на тему гегемонии английской аристократии и самой сути Консервативной партии.

Бэлфур, человек острого ума и изящных манер, являл собой поразительный контраст с королем, чье правительство он возглавлял. Его самая известная публикация называлась «Защита философского сомнения», а тяга к философским изысканиям шла бок о бок с даром к риторике. В то же время мастерское умение находить компромиссы в парламентских баталиях зачастую затрудняло для окружающих понимание его позиции. Казалось, Бэлфур никогда не защищает и не отрицает никакую точку зрения; не предлагая определенных действий, он предпочитал подвергать анализу все возможные варианты, так что в конце концов все они выглядели нецелесообразными. Будучи патрицием-тори, премьер абсолютно не желал менять *status quo*, а любое проявление политических страстей вызывало в нем какую-то идиосинкратическую мнительность. Словно одна только мысль о возможной анархии парализовала его, и он без устали трудился, чтобы не допустить хаоса — с помощью иронии, ораторского искусства и даже насилия. В Ирландии, где в 1880-х он занимал пост глав-

1. ГДЕ НИКОГДА НЕ ВСХОДИТ СОЛНЦЕ

ного секретаря, его за драконовские меры прозвали «Кровавый Бэлфур». «Позволить... сторонникам самоуправления победить, — говорил он, — значит попросту проститься с цивилизацией и... властью». Бэлфур все время защищал консервативные «ценности», но ни одна отдельная политическая проблема не вызывала у него энтузиазма. Политика привлекала его сама по себе, как особый вид искусства, он не рассматривал ее как способ что-то сделать.

Многие критики Бэлфура отзывались о нем как о ничемном и неэффективном руководителе, другие упрекали в недостатке интереса к народу, которым он управлял. Поговаривали, что за всю свою жизнь он не прочитал ни единой газеты. Равнодушный к «низшим» и презрительно относящийся к среднему классу, «не пригодному» ни к чему, кроме производства товаров, премьер-министр от тори воплощал в себе всю спесь правящей аристократической элиты. Сможет ли такой лидер ответить на вызовы новой эпохи?

2

Дом, милый дом

Вдали от королевского дворца и здания парламента протянулись бесконечные улицы с недавно возведенными домами. Дома представляли собой либо сдвоенные, либо отдельно стоящие двухэтажные здания из красного кирпича с покрытыми шифером крышами, эркерами, деревянными рамами, створчатыми окнами и небольшими садиками перед входом. Заглянув за живую изгородь, скрывающую от лишних глаз эти новые жилища, прохожий разглядел бы на подоконнике за кружевными занавесками ряд тщательно подобранных предметов. Своей чистотой, аккуратностью и скромным комфортом «пригородное» жильё словно бы оповещало окружающих, как довольны жизнью и процветают здешние обитатели. Население пригородов стремительно выросло именно в Эдвардианскую эпоху: в 1910 году во «внешнем Лондоне» проживал почти миллион людей.

Новым домам давали имена — например, «Дивный вид» или «Лавры». Архетипичный житель пригорода Чарльз Путер, главный герой классического поздневикторианского сочинения Джорджа и Уидона Гроссмитов «Дневник ничтожества», обитал как раз в «Лаврах». Обычно та-

кие дома располагались кварталами или вдоль тупиковых улиц. Поблизости непременно находился парк, гольф-клуб или боулинг, а также целый ряд магазинов. По утрам мужчины в черных костюмах, шляпах-котелках и с зонтиками в руках спешили на службу, молодые матери толкали коляски с младенцами, а мальчишки из продуктовой лавки и газетного киоска разносили заказы к дверям. На этих улицах почти не встречались играющие дети. То была квинтэссенция «средней Англии».

Проблемы коммерческих и промышленных городских центров отсутствовали в пригородах. Пропитанные иллюзорным духом сельской романтики, с их рядами деревьев вдоль улиц и лужайками зеленой травы, они стали негородскими городами для тех, кто мог позволить себе бежать из сутолоки центральных районов. Чем зеленее и просторнее был пригород, тем выше поднимались цены на жилье и тем больше оказывался процент жителей-собственников. Дом в зеленом Балхэме к югу от Лондона продавали примерно за 1000 фунтов стерлингов, а сдавали за двенадцать шиллингов в неделю; такие расходы мог осилить лишь средний класс.

В самом низу пригородной прослойки находились специалисты-ремесленники, руководившие мастерскими; вышестоящие обращались к ним не просто по фамилии, а добавляя «мистер». В эту же группу входили лавочники, мастеровые, владельцы пабов и дешевых пансионов, учителя и мелкие торговцы. Они, как правило, арендовали дома во внутренних пригородах и держали одного слугу, что, с одной стороны, было необходимо в трудоемком эдвардианском домохозяйстве, а с другой — свидетельствовало о более высоком статусе хозяев, демонстрируя, что их уровень жизни на порядок выше, чем у полуквалифицированных или вовсе неквалифицированных фабричных рабочих и прочих поденщиков. Таким людям из ни-